

душны в том, что одинаковые лексические значения не гарантируют наличия одинаковых грамматических категорий не только среди различных языков, но даже на различных этапах одного и того же языка» [17, с. 60].

Известны языки, в которых имена существительные не обладают морфологическими категориями рода, числа, падежа, глагол в ряде языков не изменяется по лицам и числам. Известно наличие в русском языке неизменяемых существительных, морфологические значения которых являются не из формы, а из их синтаксической позиции. Набор морфологических категорий той или иной части речи не обусловлен ее семантикой, но в сознании носителя данного языка привычно связан с ней. «Лексические значения подводятся под грамматические категории». Поэтому «определение лексических значений слова уже включает в себя указания на грамматическую характеристику слова» [18, с. 15].

Но грамматическая характеристика — это не только морфологические категории. Что же касается синтаксических характеристик, то сказанное здесь (и ниже) показывает ведущую роль категориальной семантики слов (на уровне подклассов частей речи) в определении синтаксических позиций, в которых функционируют слова этих подклассов.

Даже по отношению к тем языкам, где различия в составе компонентов предложения не выражены флективными средствами, неверно было бы говорить об отсутствии грамматических показателей различий между категориально-семантическими подклассами слов, способных занять те или иные синтаксические позиции в разных моделях предложений.

Если взять наборы имен существительных русского языка, которые представляют собой названия компонентов ситуаций, понятных в силу категориального значения имен (*Лыжники, скольжение, склон, крутизна; Белизна, хлопья, кружение, воздух; Смуглость, девушка, чтение, книга* и т. п.), неоформленность их связей не может быть препятствием к восстановлению этих связей: положением репрезентируемой словом категории в системе объективно существующих категорий определяется позиция слова (оформленного согласно грамматическим условиям данного языка) в системе моделей предложения (ср., например: *Белые хлопья кружатся в воздухе, Хлопья немыслимой белизны совершают кружение в воздухе* и т. п.). Знаменитая фраза Л. В. Щербы *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка* обладает содержанием именно на уровне категориально-семантическом, который определяет однозначный состав ее компонентов, не допуская толкования *глокой кудры* как *горькой обиды* или *глупой записки* или другого понятия за пределами подкласса живых существ.

Сказанное подтверждает, что синтаксические возможности слова обусловлены прежде всего его категориальной семантикой. Именно поэтому, видимо, «основные синтаксические функции частей речи для большинства, а может быть, и для всех языков, одинаковы» [19, с. 77].

От морфологических категорий данного языка, данной части речи зависят способы оформления семантико-синтаксических отношений. Этим, по-видимому, объясняется и тот факт, что «синтаксические признаки частей речи гораздо более устойчивы и постоянны, чем морфологические, и меньше изменяются от языка к языку» [19, с. 77].

В свою очередь, набор морфологических форм для выражения того или иного синтаксемного значения также зависит от характера лексической семантики. Так, среди локативных синтаксем от слов *поле, море* в их конкретно-пространственном значении имеются по две формы предложного падежа (если считать предлог, вслед за А. А. Шахматовым и Е. Куриловичем, служебной морфемой в составе предложно-падежной формы имени): *в поле, в море, на поле, на море*; в переносном или отвлеченном значении эти слова дают только одну форму: *в житейском море, в поле зрения, в магнитном поле* и т. п.

Полисемичные имена часто реализуют разные свои значения в разных